

РАЗВЕДКА БОЕМ

Репертуарная активность театров, — пожалуй, одна из самых примечательных особенностей фогодажного для ленинградской сцены. Поиск идет в разных, порой неожиданных направлениях: одни обращаются к художественной прозе, другие — к кинодраматургии, третьи — к историческим документам, к радио- и газетным репортажам...

Однако обращение к материалу, непосредственно для сцены не предназначенному, требует от театра особой гибкости и мастерства. Известен, скажем, резонанс, вызванный пьесой И. Дворенко «Человек со стороны», ставшей принципиальным наглядным примером театрального искусства, несмотря на то, что сначала она была киносценарием. А вот в спектакле Академического театра драмы имени А. С. Пушкина результат превращения сценария А. Гребнева «Старые стены» в пьесу «Из жизни деловой женщины» оказался скромнее. Здесь режиссер С. Михайлов, работая над материалом, не углубил его, а привел в соответствие с неким средним театральным драматургическим стандартом.

Театр требует портретской глубины и многоцветности, которые могут проникнуть на современную сцену только в живом взаимодействии режиссера и писателя, режиссера и поэта, режиссера и публициста, создавших драматургическую основу будущего спектакля.

В этом смысле поучительная история постановки в Театре имени Ленинского комсомола пьесы «Вторая студия», построенной на былых записях радиожурналиста Л. Магачева. В них чужовечны не просто голоса, но душевная стойкость, самоотверженность рядовых ленинградцев, партийных и советских руководителей осажденного города, военачальников и солдат, публицистов и писателей. Более достоверного и надежного источника вроде бы не найти — все подлинно, все неоспоримо. Тем не менее оказалось, что и подлинные речи реальных лю-

дей даже в промазанном последовательно документальным требуют политического преобразования. А в спектакле, поставленном Г. Оперковым и Р. Сарогим, только в отдельных сценах возникает овеянная поэзией атмосфера великих и трагических «девятисот дней».

Особенно наглядно стремление театров расширять круг разрабатываемых на сцене жизненных проблем

проявляется в тех случаях, когда они обращаются к художественной прозе. И не случайно сегодня такие прозаики, как Борис Васильев, Федор Абрамов, Владимир Тендряков, Василий Шукшин, заново находят себя на драматической сцене.

Вот один из примеров. В пьесе — именно в повести — Владимира Тендрякова «Весенние перевороты» Театр юных зрителей и режиссер З. Корогодский увидели бурную нравственную жизнь ребят, чуждую их трудных духовных поисков и восторженных переживаний не просто идеализирован, а подлинно специфическая версия повести, где юные герои Тендрякова — Дюшка (И. Соколов) или Минька (О. Айсенкова) — предстают именно в той психологической атмосфере, в какой увидел их писатель. Достоверность и живая сила воцарились на сцене, оказалась взаимосвязанная в этом случае не из одних только авторских диалогов и описаний, но дан бы из самой писательской души и суровой любви к детям, на это умения разговаривать с ними на равных. Однако писательскую позицию можно еще «прочитать» в спешном действии. И успех драматизации прозаического произведения, как всегда, оказался тесно связан с определенностью и последовательностью режиссерского решения.

А вот другой спектакль. Автор пьесы — тот же Тендряков. «Совет да любовь» (режиссер А. Сагалчик) в Академическом театре драмы. Пьеса интересна своим нравственным содержанием, острым и сложным конфликтом.

Драма ее героя — Зосимы Ярцева — назидательна в самом высоком смысле этого слова. Многолетний председатель колхоза, деятельный и талантливый человек, он живет верой и свою непогрешимость — именно таким играет его Ю. Толубев, актер безграничной и покоряющей искренности. Но дело в том, что правдивость

Зосимы в конце концов претерпит опыт правдивости, и восторжествует было пролетаризм эту парадоксальную. Между тем автор в этой первой своей пьесе, лишенный (в отличие от прозы) возможности опереться на собственное знание, многого не добивается в характеристике героя, сделав из него некий слишком многозначительный, а режиссер не обратил на это достаточного внима-

ние, не отделив в построении сценического действия основное от второстепенного. Вот поэтому получился размытый, недостаточный определенностью драматическая судьба Зосимы Ярцева, поэтому и мысли о строгом суде времени сваталась «Совет да любовь» выглядел так нерешительно, то же дело уходя в сторону от главной темы.

Гораздо точнее, а этой точки зрения, решил свою задачу Р. Агамирзян, ставя в Театре имени В. Ф. Комиссаржевской пьесу И. Заврева «Романтика для взрослых» — «повесть в диалогах» из недавнего прошлого. Конфликт начальника стройуправления Сухорукова (М. Храбров) с молодым трубачом Сашей Малышевым (его очень искренне и увлеченно играет молодой актер В. Лещенко) поучителен в сегодняшнем, что понятия личной «правоты» и «неправоты» приобретают в нем особую, по-своему жесткую, но безоговорочную ясность.

В судьбе Ярцева и Сухоруковых мы сталкиваемся скорее с неспособностью людей, по-своему честных в своих, оставаться в одном строю с временем, развивать свои связи с ним. На стороне этих людей их прошлое, субъективная честность, может быть, даже самоотверженность в выполнении своего долга. Но ведь уважение человека к собственному прошлому прекрасно, если только оно не мешает ему идти вперед. И вот эта коллизия очень отчетливо и последовательно отражена в спектакле.

В последнее время особенно живой интерес и театров, и зрителей вызывают нравственные проблемы, и во все большей степени они оказываются на поверхности социальными проблемами. Интерес к грудной личной жизни женщины, уверенно чувствующей себя на государственном поприще, представляется мне интересом тоже социальным. Правда, ее слабость, которая так решительно оборачивается за рабочим столом, для нас, тру-

дья, — это сила, и наглядно, и восторжествует своего творческого наследования.

Удивительны и бесценны, с этой точки зрения, открытия, которыми дарит нас труд ли не в каждой своей новой работе Алиса Фрейндлих. В новом спектакле Театра имени Ленсовета «Новая женщина провинции» И. Дворенко Алиса Фрейндлих играет судью Ковалеву. Женственность и твердость настолько не противостоят друг другу, они продолжают друг друга в этой маленькой и чуть погруженной в себя женщине. Актриса играет свою роль негромко, и именно негромкость отличает ее по законам взаимного актерского таготения не только ее агру, но и игру одного из главных ее партнеров по спектаклю — Е. Камбурова, исполнителя роли прокурора Торбеева. Его важная невозмутимая повязка неразделима с безразличием и веберным отношением к людям, и от этого она становится опаснее и драматичнее. Безразличие и отдельным людям оборачивается безразличием к жизни общества. В режиссерском решении И. Владимиров предугадана и объяснена реальная психологическая атмосфера, в которой возникает и развивается конфликт.

Театры ищут в драматургии личное и социальное единство в жизни и судьбе советского человека, единство трудное, требующее усилий и от самого этого человека, и от всего нашего общества. Эта мысль волновала Большой драматический театр имени М. Горького, когда он ставил пьесу А. Вампилова «Прилипы летом в Чулышске». Словесный, решенный в письмах, скупого и, несмотря на реализма, возмущавший не только мастерство режиссера Г. Товстоногова, зрелых авторов В. Лаврова, О. Борисова, К. Коваль, Е. Конякина, молодого С. Головиной и Ю. Демича. В нем проявилось гонимое понимание того, как во стремлении зампиловских героев обрести самих себя, открывающаяся страшная и бескомпромиссная авторская вера в великую созидательную силу нашего общества.

Достижение истинной правды всегда требовало и быть может, как никогда, требует сейчас глубокой художественной убежденности, ясности мировоззрения, исследовательской настойчивости, страсти постижения. Хочется верить, что «разведка боем», которую ведут наши театры, приведет их в будущем сезоне к новым творческим открытиям.

С. ЦИМБАЛ.
ЛЕНИНГРАД.